

Музыкальный редактор

Два концерта в Москве дал Питер Донохоу

Коммерсант. - 2004. - 27 октября. - с. 21

концерт классика

В Большом зале консерватории и концертном зале Чайковского состоялись два организованных московской филармонией концерта английского пианиста Питера Донохоу. Комментирует ВАРВАРА ТУРОВА.

Лауреат Седьмого конкурса Чайковского Питер Донохоу стал в 1982 году тем импортным фаворитом публики, которые случались на каждом «чайнике», достаточно вспомнить Вана Клиберна или, из недавних, Фредди Кемпфа. Ленивый не написал тогда о пластичности, мягкости и прозрачности фортепианного звука мистера Донохоу. О его обаянии, остроумии, широте взглядов и вкусов (пианист начинал музыкальную карьеру отнюдь не с консерваторских парт, а с роли ударника в поп-группе) до сих пор ходят легенды.

Конечно, роялем он начал заниматься раньше, чем сел за тарелки, — с четырех лет, но до поры до времени экспериментировал чуть ли не со всеми музы-

У Питера Донохоу припасено немало идей по переделке русской фортепианной классики ФОТО ПАВЛА СМЕРТИНА

кальными инструментами, включая клавесин и орган. Когда выбор инструмента стал очевиден, Питер Донохоу поступил в Парижскую консерваторию, где учился не у кого-нибудь, а у Оливье Мессиана — одного из крупнейших композиторов XX века. Кроме Чайковского-82, в его карьере был еще только

один конкурс — Британский конкурс Листа, на котором он получил третью премию. При этом в техническом совершенстве пианист и сейчас мог бы составить серьезную конкуренцию многим конкурсным исполнителям.

Могу предположить, отчего этот удачливый, без видимых

проблем пианист всю жизнь игнорировал самый простой и короткий путь к славе — международные соревнования. Когда его слушаешь, понимаешь — конкурсные стрессы неприемлемы для Питера Донохоу. Причем дело тут совсем не в слабых нервах. Просто обыкновенные для любого состязания интриги не имеют ни малейшего отношения к музыке, а это единственное, по отношению к чему пианист бескомпромиссен.

Вот, пожалуй, главное в его игре — он очень любит музыку. Эта любовь какого-то почти родственного характера — он опекает, оберегает и умиляется тому, что играет. Но без страстей, трепета, ужаса и дрожащих перед предметом обожания коленок. В Большом зале консерватории вместе с оркестром «Новая Россия» и Юрием Башметом за пультом Питер Донохоу играл Второй концерт Брамса. Сперва казалось, что душераздирающую романтику Брамса пианист не чувствует. Темпы часто ощутимо медленнее, чем обычно, где-то пианист чересчур осторожничает,

не дает развернуться романтическим страстям, не дает слушателю насладиться их силой. Но несмотря на эти постоянные сдерживания, недоговаривания, недомолвки и полубылые ощущения после концерта гораздо сильнее, чем если бы музыкант рвал на себе рубашку. Оказалось, что все на месте — чувство, и чувствительность, и сентиментальность, и вкус.

Когда на концерте в зале Чайковского Питер Донохоу играл «Тринадцать прелюдий» Сергея Рахманинова, все звучало не так, как я привыкла это слышать. Там, где обычно играют медленно и со значением, он издавал какие-то раздраженные возгласы, кидал коротенькие фразы или вовсе пролетал мимо привычно важного. Там, где казалось бы невозможно было ожидать чего-то значительного, вдруг откуда ни возьмись появлялась мысль, смысл. Казалось, пианист всерьез взялся доказать, что «наше музыкальное все» Сергей Рахманинов на самом деле совсем не тот, за кого его выда-

вали сотни музыкантов уже полсотни лет. Причем это не вызывало ни малейшего протеста. А потом началась симинорная прелюдия.

Он сыграл прелюдию ровно так, как ее всегда и играют. Медленно, трагически, безысходно, с высоким пафосом и глубокими мыслями. Возможно, потому, что все предыдущие прелюдии он играл как-то не всерьез, на симинорной трудно было не заплакать. Но дело не только в контрасте. Просто выяснилась одна удивительная вещь. Все эксперименты и новаторства Питера Донохоу происходят не от желания пианиста выглядеть или звучать необычно. Видимо, обладая каким-то очень специфически настроенным ухом, чутьем и чувством объективности, пианист словно вычищает из ушей слушателей тонны штампов, стереотипов и давления авторитетов. Мне теперь долго не захочется слушать те же самые прелюдии Рахманинова в чьем-либо другом исполнении — обидно снова обрастать неважными подробностями.